

крополя отличаются оригинальностью и полихромностью, в них сочетаются рог, металл (золото, олово), краска (киноварь). Разнообразие художественных средств (рельефное изображение, раскраска, покрытие металлом) и технических приемов (резьба по рогу, прокрашивание, изготовление металлической фольги и покрытие ею) свидетельствует об интеграции косторезного искусства с технологическим потенциалом других производств древних кочевников Евразии.

Список литературы

Акишев К.А. Курган Иссык. – М.: Искусство, 1978. – 130 с.

Бородовский А.П. Роговая модель для культового литя кулайского времени из Новосибирского Приобья // Проблемы художественного литя Сибири и Урала эпохи железа. – Омск: Б.и., 1990. – С. 33–35.

Бородовский А.П. Интерпретация назначения длинных роговых накладок эпохи раннего железа и технология их изготовления // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: К 100-летию Н.К. Ауэрбаха: Краткое содержание докладов Регион. археол. студ. конф. – Красноярск, 1991. – Т. 3. – С. 22–24.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П. Новые аналогии роговой резной пластины с лошастью из Саглы-Бажи-2 // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999а. – № 3. – С. 90–91.

Бородовский А.П. Центры художественной косторезной обработки скифской эпохи на юге Западной Сибири //

Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999б. – С. 23–26.

Бородовский А.П. Археологические параллели поясной гарнитуры угро-самодийских народов Приобья // Самодийцы. – Тобольск; Омск: Б.и., 2001. – С. 22–24.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Наука, 1950. – 90 с.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Илым, 1966. – С. 80–96.

Самашев З.С., Мыльников В.П. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая: Материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел. – Алматы: Илым, 2004. – 240 с.

Сергеев С.М. О резных украшениях конской узды из “скифского” кургана на Алтае. // СА. – 1946. – Т. 8. – С. 290–292.

Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 74–89.

Полосьмак Н.В. “Стережущие золото грифы”. – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 334 с.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. – Л.: Наука, 1948. – 90 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большебереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 183 с.

Материал поступил в редколлегию 17.05.04 г.

УДК 903.5.53

С.Г. Кляшторный¹, Д.Г. Савинов²¹*Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191186, Россия
Тел.: 8(812)3158728*²*Санкт-Петербургский государственный университет
Менделеевская линия, 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия
Тел.: 8(812)3100234*

СВЯТИЛИЩЕ НАРИЙН ХУРУМТА: ДРЕВНИЕ ЕВРОПЕОИДЫ В ЦЕНТРЕ АЗИИ

Введение

На территории Монголии памятники эпохи бронзы представлены в основном многочисленными бронзовыми изделиями карасукского типа из числа случайных находок, петроглифами и, возможно, некоторыми группами оленных камней (если для них имеются ранние даты). Что касается погребальных комплексов, то здесь их известно немного: два могильника афанасьевской культуры (Алтан-Санда и Шатар-чулуу), погребение в Норовлийн-ууле (скорее всего окуневского времени) и погребение в Тэвш-ууле эпохи поздней бронзы. В разные годы они исследовались В.В. Волковым. Обобщение всех материалов было сделано Э.А. Новгородовой [1989]. К настоящему времени раскопано довольно большое количество херексуров [Эрдэнэбаатар, 2002], но все они по обряду погребения являются безынварными. Признавая значение этих открытий, выведших археологию Монголии эпохи бронзы из состояния terra incognita, необходимо все-таки признать, что имеющихся материалов пока явно недостаточно для решения каких-либо культурно-исторических проблем. Поэтому каждый открытый в этом регионе памятник эпохи бронзы, особенно наименее изученного периода (первая половина – середина II тыс. до н.э.), имеет безусловную историческую ценность.

История открытия и общие данные о памятнике

Одним из наиболее ярких памятников эпохи бронзы является комплекс (условно – святилище) вблизи от

горного хребта Нарийн Хурумта, открытый в 1976 г. во время работ археолого-эпиграфического отряда Советско-монгольской историко-культурной экспедиции С.Г. Кляшторным. Памятник расположен в предгорьях Хангая в 20 км к востоку от пос. Сайхан сомон Булганского аймака Монголии, в 1 км к юго-западу от хребта Нарийн Хурумта, от которого получил свое наименование. В 1976 г. комплекс включал сохранившиеся на местах первоначальной установки четыре каменных изваяния – одно древнетюркского времени и три эпохи бронзы. Через десять лет, в 1986 г., на этом же месте было обнаружено еще одно изваяние эпохи бронзы, скорее всего, перемещенное с места первоначального расположения. Основные данные об изваяниях эпохи бронзы и их общая характеристика были даны С.Г. Кляшторным в 1994 г. [Kliachtornyi, 1994].

Изваяния в Нарийн Хурумте сразу привлекли к себе внимание исследователей. Прорисовка одного изваяния эпохи бронзы приведена в статье Д.Г. Савинова, посвященной антропоморфным изображениям эпохи бронзы и раннескифского времени, происходящим из восточной части евразийских степей [1993, рис. 1, 4]. В монографии Д. Баяра опубликованы схематические прорисовки одного древнетюркского и трех изваяний эпохи бронзы, открытых в 1976 г. [1997, с. 126, № 82–85]. Изображение древнетюркского изваяния со ссылкой на работу Д. Баяра приведено в статье Л.Н. Ермоленко [2002, рис. 1, 5]. Об изваяниях в Нарийн Хурумте писал и В.Д. Кубарев. Он отметил, что изваяние древнетюркского времени было установлено в оградку эпохи бронзы с четырьмя антропоморфными стелами по углам, выполнявшими, возможно,

“охранные функции ритуальной площадки, в центре которой находилось изваяние древнего тюрка” [2001, с. 35]. Совершенно очевидно, что комплекс в Нарийн Хурумте, как пока единственный памятник подобного рода на территории Монголии, заслуживает специального анализа, тем более что опубликованные схематические прорисовки ни в коей мере не передают художественной выразительности и своеобразия каменных изваяний.

Археологических раскопок на месте расположения изваяний не производилось, поэтому описание памятника может быть дано только на основании визуальных наблюдений. Первоначальные размеры, а также форму сооружения эпохи бронзы до проведения специальных исследований установить трудно. На поверхности были видны отдельные крупные камни, расстояние между которыми составляло от одного до нескольких метров. Посередине этой площади находилась каменная вымостка (размеры: ок. 2,5 × 2,5 м) неправильных очертаний из более мелких камней, в центре которой было установлено явно вторичное по отношению к предшествующему сооружению эпохи бронзы древнетюркское изваяние (рис. 1, 2). Место для установки последнего было выбрано не случайно – изваяние буквально “всажено” в середину находившегося здесь ранее сооружения эпохи бронзы, от которого сохранились четыре каменных изваяния. Подобные примеры “дооформления” древних памятников в древнетюркское время, вероятно с целью приобщения к заложенной в них “энергетике”, фиксировались неоднократно. По наблюдениям многих исследователей, средневековые кочевники Горного Алтая часто пристраивали свои оградки с рядами камней-балбалов к концам печечек курганов скифского времени.

Три сохранившиеся на своих местах изваяния эпохи бронзы вкопаны на глубину 10–15 см, укреплены (или забутованы) крупными камнями и обращены лицевой стороной “наружу”; по-видимому, они были расположены по углам какого-то сооружения. Четвертое изваяние (5), обнаруженное в 1986 г., находилось в нескольких метрах к северо-востоку от трех упомянутых, но первоначально оно было установлено, возможно, как и они, и обозначало четвертый угол.

Описание изваяний. Антропологическая характеристика

Изваяние 1 (древнетюркское). Представляет собой фигуру человека явно монголоидного облика, держащего в двух руках на уровне груди кувшинчик со сферическим туловом. Высота 163 см, ширина 50 см (все высотные отметки даны от уровня современной поверхности). С правой стороны на уровне пояса показан “калачикообразный” предмет – кресало (рис. 3, 1).

Рис. 1. Святилище Нарийн Хурумта. Общий вид.
Фото С.Г. Кляшторного.

Рис. 2. Работы по обмеру памятника.
Фото С.Г. Кляшторного.

По своим иконографическим особенностям (изображение сосуда в двух руках) данное изваяние относится к т.н. уйгурской группе (VIII–IX вв. н.э.) и, несмотря на некоторые стилистические особенности, имеет широкий круг аналогов среди изваяний древнетюркского времени в Монголии, Горном Алтае и Туве.

Изваяния эпохи бронзы представляют собой гермообразные стелы с изображением человеческого лица в верхней части на одной из сторон и с точки зрения техники исполнения, особенностей стиля и степени сохранности, безусловно, образуют единую группу памятников.

Изваяние 2 (рис. 4). Высота 79 см, ширина 28 см. Находилось в вертикальном положении в юго-западной части сооружения. Верх изваяния плоский. Показаны прямой нависающий лоб, близко поставленные выпуклые глаза, очерченные глубокими выбитыми линиями, длинный нос, сбитый в нижней части, с широкими ноздрями. Слабым рельефом переданы скулы. Нижняя часть лица с небольшим, переданным го-

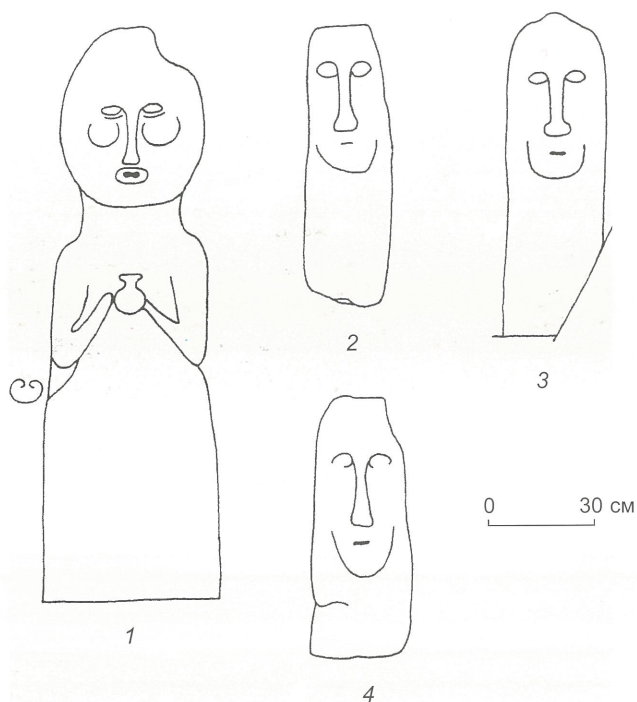

Рис. 3. Схематические прорисовки каменных изваяний. Нарийн Хурумта.
1 – изваяние 1, 2 – изваяние 4, 3 – изваяние 3,
4 – изваяние 2 (по Д. Баяру [1997]).

Рис. 4. Изваяние 2.
Фото С.Г. Кляшторного.

Рис. 5. Изваяние 3. Фото С.Г. Кляшторного.

Рис. 6. Изваяние 4. Фото С.Г. Кляшторного.

горизонтальной черточкой ртом и массивным прямо срезанным подбородком выдвинута вперед и очерчена глубокой выбитой линией.

Изваяние 3 (рис. 5). Высота 90 см, ширина 28 см. Находилась в наклонном положении в северо-западной части сооружения. Верх изваяния заострен. Лицо

вытянутой формы, лоб не выделен. Показаны близко поставленные овальной формы глаза, длинный прямой нос с широкими округлыми ноздрями. Рот обозначен слегка изогнутой черточкой. Нижняя часть лица с округлым подбородком выделена невысоким рельефом и обведена выбитой линией.

Изваяние 4 (рис. 6). Высота 80 см, ширина 24 см. Находилось в слегка наклонном положении в южной части сооружения. Верх изваяния плоский. Справа часть изображения сбито, однако все его детали “читаются” достаточно легко: удлиненное лицо, низкий выступающий лоб, глубоко поставленные глаза, длинный нос с широкими ноздрями, резко очерченная тяжелая нижняя часть лица с небольшим, переданным горизонтальной черточкой ртом.

Изваяние 5. Найдено в горизонтальном положении в северо-восточной части сооружения. Низ изваяния обломан. Длина сохранившейся части ок. 60 см. Абрис вытянутого лица очерчен глубокой линией. Как и на других изваяниях, показаны близко поставленные глаза, длинный прямой нос, тяжелый округлый подбородок, рот обозначен черточкой.

Изображения на всех изваяниях эпохи бронзы в Нарийн Хурумте, несомненно, передают лицо европеоидного типа и имеют очевидное сходство между собой – близко поставленные глаза, выделенная нижняя часть лица, длинный с широкими ноздрями нос. Вместе с тем они делятся на группы: изваяния 2 и 4 – бесспорно мужские, изображения более рельефно и резко очерченные, лицо с тяжелым нависающим лбом и прямо срезанным подбородком; изваяния 3 и 5 – рисунок более сглаженный, лицо с прямым лбом и округлым подбородком. Изваяния первой группы вызывают ощущение угрозы, второй – покоя. Чем объясняются эти различия – сказать трудно. Или это действительно разные (мужские и женские?) персонажи, или они просто сделаны руками разных мастеров.

Присутствие представителей европеоидной расы среди носителей древних культур Центральной Азии, во всяком случае начиная с эпохи бронзы, в настоящее время является установленным фактом. В наибольшей степени обобщенная характеристика изваяний в Нарийн Хурумте (длинное узкое лицо с выпуклым надбровьем, округлые близко поставленные глаза, длинный нос, мощный выступающий подбородок) соответствует данному И.И. Гохманом описанию антропологических особенностей населения, оставившего могильник Аймырлыг в Центральной Туве. “Черепки очень массивные, с развитым рельефом. Черепная коробка крайне длинная, довольно высокая, но даже по абсолютным размерам небольшой ширины. Все черепа долихокранные... Перед нами вне сомнения яркие представители европеоидной расы. <...> Если рискнуть и провести для небольшой

серии черепов более частную диагностику в пределах европейского расового ствола, то можно отнести ее к кругу гиперморфных форм средиземноморской расы” [1980, с. 28].

Могильник Аймырлыг в Центральной Туве относится к памятникам окуневского типа, скорее всего, к середине – началу первой половины II тыс. до н.э. Таким образом, изваяния в Нарийн Хурумте являются первыми известными нам “портретами” древних европеоидов Центральной Азии.

Историко-культурная интерпретация

До сих пор на территории Монголии (Норовлийн-уул) было известно только одно антропоморфное изображение на плоской каменной пластине, относящееся к более раннему времени и по способу оформления отличное от нарийнхурумтинских изваяний. Э.А. Новгорова сравнила эту находку с “антропоморфными изображениями глазковского типа из Прибайкалья, где найдено немало каменных и костяных голов” [1989, с. 80].

По стилистическим особенностям каменные изваяния в Нарийн Хурумте имеют аналоги в мелкой пластике эпохи бронзы из Прииртышья. Одна из подобных находок – известная Туйская голова, которую В.И. Мошинская описывает как изображение мужчины “европеоидного типа с низким черепом, узким длинным лицом и узким лбом... подчеркнуты надбровья, заметно выступающий подбородок и мощная нижняя челюсть” [1976, с. 57]. На голове показана облегающая круглая шапочка (рис. 7, 1). Второе – это Ирский жезл с янусовидным изображением, отличающийся теми же иконографическими особенностями, что и Туйская голова, но с прямо срезанным верхом, возможно, изображающим плоскую шапочку (рис. 7, 2). По мнению некоторых исследователей, это изображение близко “антропоморфной пластике сейминско-турбинского типа” [Бобров, Ковтун, 2002, с. 161]. К этому типу изображений относится миниатюрная (длина 13,8 см) каменная фигурка, случайно найденная на Западном Алтае (рис. 7, 3). Вот как описывает это изображение Ю.Ф. Кирюшин, считающий его навершием жезла: “В верхней части жезла изображена голова человека с длинным вытянутым лицом, широкими скулами, резко выступающим носом, высоким лбом, глубоко посаженными глазами и со слегка оттопыренными ушами... Антропологический тип скульптуры европеоидный и представляет определенное сходство со среднеазиатским типом лица” [1991, с. 67]. По стилистическим особенностям алтайская фигурка сближается с каменной скульптурой Урало-Иртышского междуречья, связанной, в свою очередь, с культурами самусьско-сейминского круга [Там же, с. 69].

Рис. 7. Каменные изваяния эпохи бронзы.

1 – Туйская голова (по В.И. Мошинской [1976]), 2 – Ирский жезл (по В.В. Боброву, И.В. Ковгуну [2002]), 3 – каменная фигурка с Западного Алтая (по Ю.Ф. Кирюшину [2002]), 4 – каменное изваяние из Тувы (по А.Д. Грачу [1980]), 5 – каменное навершие из с. Бея (по Н.В. Леонтьеву, В.Ф. Капелько [Leont'ev, Kapel'ko, 2002]), 6 – каменное изваяние из улуса Асочакова (по Л.Р. Кызласову [1986]), 7 – каменное изваяние из Кызыл-кульского чаа-гаса (по Л.Р. Кызласову [Там же]).

В ряд аналогов можно поставить и отдельные находки с территории Саяно-Алтайского нагорья. Так, в Минусинской котловине среди многочисленных изваяний, считающихся сегодня окуневскими, есть несколько вполне реалистичных изображений, которые не имеют ничего общего с окуневскими. Это вотивное изображение головы человека с близко посаженными глазами и крупным прямым носом из с. Бея (рис. 7, 5); изображение лица человека с нависающим лбом и тяжелым прямо срезанным подбородком на торцевой стороне камня из улуса Асочакова (рис. 7, 6); янусовидное, как Ирский жезл, изваяние из Кызыл-Куля, на котором выделена нижняя часть лица и обозначена плоская круглая шапочка (рис. 7, 7). Показа-

тельно, что еще в первой публикации М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера эти и некоторые другие памятники были выделены в отдельную таблицу как нетипичные для основной массы минусинских изваяний [1929, табл. VIII]. Вполне вероятно, что к изображениям этого же круга следует отнести и весьма архаичное по технике исполнения изваяние, зафиксированное в Западной Туве [Грач, 1961, рис. 7, 8]. На нем показаны низкий нависающий лоб, близко посаженные глаза, массивная срезанная снизу нижняя часть лица (рис. 7, 4).

Таким образом, выявляется целый пласт каменных изваяний эпохи бронзы с изображениями лиц европеоидного типа. Эти изображения, несмотря на индивидуальность каждого из них, достаточно близки друг к другу. В Монголии к этому пласти относится комплекс каменных изваяний в Нарийн Хурумте. Отметим, что вотивные изображения на каменном стержне (типа найденных в с. Бея или на Западном Алтае), возможно, служили предметами “домашнего” пользования, репродуцирующими менгириобразную скульптуру из древних святилищ, наиболее полное представление о которых в настоящее время дают нарийнхурумтинские изваяния.

Известно, что каменные изваяния, как и петроглифы, являются важнейшим культурно-историческим источником: в отличие от вещественных находок, которые могут передаваться из рук в руки, они всегда связаны с перемещением людей, носителей определенной изобразительной традиции. Приведенные выше изображения, подобные обнаруженным в Нарийн Хурумте, Прииртышье и более восточных районах Саяно-Алтая, обычно связываются с распространением сейминско-турбинской традиции. Вероятно, с этой же позиции следует рассматривать вопрос о монгольских каменных изваяниях; правомерность такого подхода подтверждается стилистическим анализом изображений в Нарийн Хурумте.

Восточная часть ареала сейминско-турбинских бронз, в первую очередь наконечников копий, по последним данным, достаточно обширна и включает Северный Алтай [Савинов, 1975, рис. 6; Кирюшин, 2002,

рис. 151–154], Кузнецкую котловину [Бобров, 2000], правобережье Енисея [Леонтьев, 2002] и другие территории. Вне его пределов пока остается, если судить по сводке материалов, составленной С.П. Грушиным [2000], Горный Алтай. “Исходным районом формирования металлургии данного типа, – как отмечают Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых, – были районы Рудного (т.е. Западного. – Авт.) Алтая, бассейна Верхнего Иртыша и в меньшей мере Семиречья” [1989, с. 251], т.е. приблизительно те территории, на которых были зафиксированы аналоги каменных изваяний нарийн-хурумтинского типа.

В этом же ареале зафиксированы выделенные Б.Н. Пяткиным и Е.А. Миклашевич петроглифы “сейминско-турбинской” традиции [1990], главным образом, изображения лошадей, выполненные в своеобразной стилистической манере: тяжелая передняя часть туловища, массивная голова, высокая стоячая грива или нависающая челка (рис. 8, 4). Основная область концентрации подобных изображений находится в бассейне верхнего Иртыша на территории Восточного и Центрального Казахстана [Самашев, 1992, рис. 167–168; Новоженнов, 2002, табл. 20, 24, 30 и др.]. Рисунки, подобные сейминско-турбинским, известны и на территории Монголии. По мнению Б.Н. Пяткина и Е.А. Миклашевич, их присутствие здесь объясняется тем, что “какая-то часть населения мигрировала на юго-восток в Сынцзын и Монголию (откуда известны единичные сейминско-турбинские находки)” [1990, с. 152]. Интересно, что в Минусинской котловине найдено пока только одно аналогичное изображение (на каменной плите в могильнике Есино III); его, вероятно, можно связать с приходом на эту территорию какой-то группы населения постандоновского времени из Центрального Казахстана [Савинов, 2000, с. 124, рис. 1]. В многочисленных петроглифических комплексах Горного Алтая подобные рисунки встречаются также крайне редко. Несколько рисунков было найдено одним из авторов настоящей статьи в Сайлогеме (опубликовано: [Шер, 1980, рис. 53]); их появление здесь, скорее всего, объясняется близостью

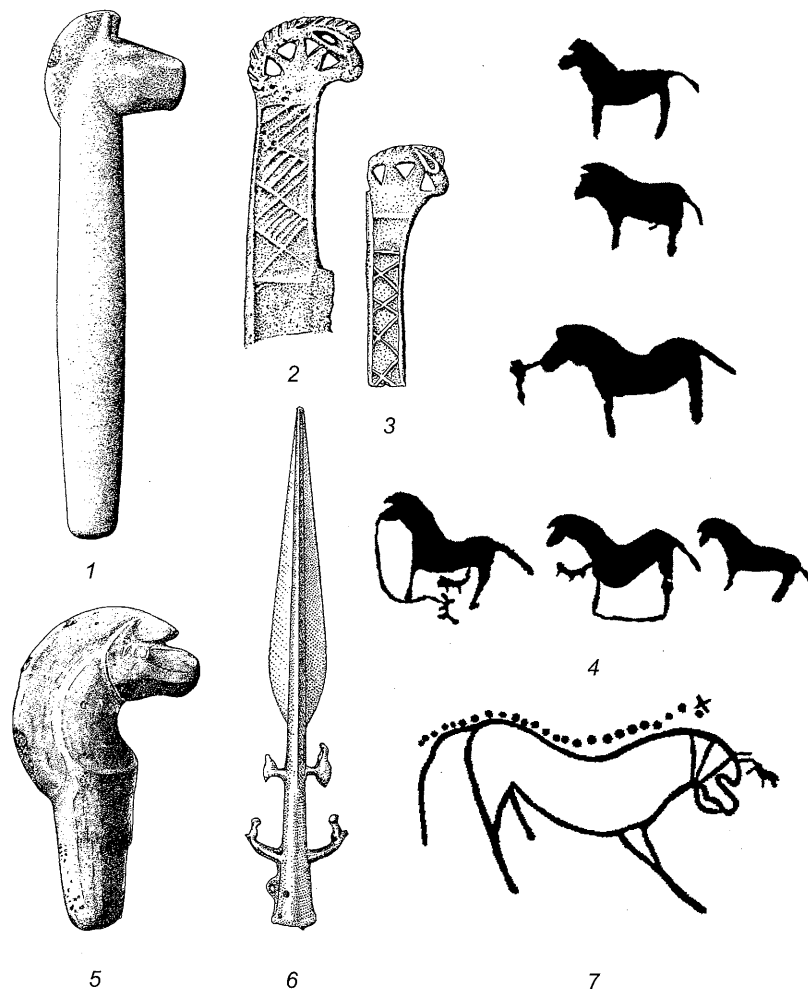

Рис. 8. Фигуративные изображения, выполненные в сейминском стиле (1–3, 5, 6), и петроглифы (4, 7).

1 – каменный жезл из могильника Шишуново (по Ю.Ф. Кирюшину [2002]), 2 – навершие ножа из могильника Елунино (по Ю.Ф. Кирюшину [Там же]), 3 – навершие ножа из могильника Усть-Мута (по Ю.Ф. Кирюшину [Там же]), 4 – петроглифы Сары-Арки, Центральный Казахстан (по В.А. Новоженнову [2002]), 5 – навершие с головой коня из Прииртышья (по В.И. Мошинской [1976]), 6 – бронзовый наконечник копья из Кустанайского музея (по А.П. Мазниченко [1985]), 7 – изображение лошади из Теректыаулие, Центральный Казахстан (по И. Сагын-дак [2001]).

к Монголии. В целом создается впечатление, что носители данной изобразительной традиции двигались из Прииртышья (а возможно, шире – Восточного и Центрального Казахстана) на восток; обогнув горную систему Алтая, они вышли в горно-степные районы Северо-Западной Монголии. В принципе это соответствует картине распространения сейминских бронз.

Мнение Б.Н. Пяткина и Е.А. Миклашевич о сейминско-турбинской атрибуции подобных рисунков основано на сравнительном материале из Казахстана и Прииртышья – изображениях на каменных и бронзовых изделиях эпохи бронзы [1990, рис. 1, 2]. Среди аналогов следует выделить каменные жезлы с навершиями в виде головок коней (рис. 8, 5). Серия таких

Рис. 9. Изображения воинов с копьями в петроглифах Монголии (1) и Горного Алтая (2–4).
1 – Цаган гол (по Э.А. Новгородовой [1989]); 2 – р. Чуя (по Д.В. Черемисину [1990]); 3, 4 – Горный Алтай (по В.Д. Кубареву [2003]).

жезлов недавно пополнилась великолепной находкой из могильника Шипуново (Северный Алтай) елунинской культуры середины II тыс. до н.э. [Кирюшин, 2002, рис. 127]. В числе бронзовых вещей, уже привлекавших к себе внимание исследователей, можно отметить навершия бронзовых ножей елунинской культуры (рис. 8, 2, 3) и головки коней на бронзовом наконечнике копья сейминского типа из собрания Кустанайского музея (рис. 8, б).

Высказанное некоторыми авторами мнение о принадлежности подобных изображений к предсакскому и сакскому времени не противоречит выводу об их сейминской атрибуции, т.к. данная изобразительная традиция могла существовать достаточно длительное время, о чем, например, свидетельствует стилистически более позднее изображение из Теректы (рис. 8, 7). Свидетельством длительного сохранения сейминской традиции является опубликованный К.В. Чугуновым бронзовый кинжал из Западной Тувы – он раннескифского типа, но с навершием в виде идущих друг за другом животных [1997, рис. 1], как на классическом ноже из Сейминского могильника.

О приходе на территорию Монголии в эпоху бронзы новых групп населения косвенно можно судить по петроглифам, в частности, по одной из сцен на скалах Цаган гола (Гоби-Алтайский аймак), которую Э.А. Нов-

городова по находящейся рядом, но скорее всего нанесенной позднее, юэчжийской тамге ошибочно отнесла к хуннскому времени [1984, с. 60, 110]. В верхней части плоскости камня здесь изображены фигуры двух стоящих мужчин-воинов, вооруженных копьями (рис. 9, 1). Они одеты в туго подпоясанные длинные (до колен) облегающие кафтаны и, по-видимому, высокие мягкие (кожаные?) сапоги, к поясу сзади подвешены плавно очерченные “хвосты”. Приталенная, плотно прилегающая одежда на этих воинах напоминает одеяние известного “конного лыжника” из Ростовкинского могильника [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 66, 2]. Изображения воинов на скалах Цаган гола, вероятно, следует исключить из сводки подобных изображений, составленной В.Д. Кубаревым [2003]. Изображения цагангольских воинов выполнены вполне реалистично и, возможно, представляют вполне реальных лиц или героизированные образы. Левая рука у обоих персонажей согнута в локте и покоится на поясе, в правой отставленной руке – длинное, в рост человека, копьё; форма наконечников этих копий напоминает сейминские образцы. Показаны также округлые низко надетые шляпы с длинными перьями (?). Запечатленные ниже фигуры лошадей в стилистическом отношении соответствуют сейминско-турбинской традиции. Изображения двух таких же стоящих рядом воинов с копьями, но менее выразительные, открыты Д.В. Черемисным на р. Чуе (рис. 9, 2). Рисунки стоящих воинов с копьями имеются и в других местах Горного Алтая, но их немного (рис. 9, 3, 4) и они передают скорее всего уже каких-то мифологических персонажей.

Приведенные разнообразные материалы (мелкая пластика из Прииртышья, статуарные изображения из Южной Сибири, сейминские бронзы, наскальные рисунки, выполненные в “сейминско-турбинском” стиле, наконеч, замечательная сцена из Цаган гола, возможно, впервые представляющая внешний облик воинов-“копьеносцев” сейминской эпохи) имеют непосредственное отношение к вопросу об интерпретации каменных изваяний Нарийн Хурумты, т.к. являются “свидетелями” и “участниками” одних и тех же культурно-исторических процессов.

К несколько более позднему времени, чем нарийнхурумтинские изваяния, относится антропоморфная стела, хранящаяся в Туранском краеведческом музее (Северная Тува). Опубликовавшие данное изображение М.Е. Килуновская и В.А. Семенов отмечают его стилистические особенности, знакомые по другим образцам, – массивный нависающий подбородок, прямой длинный нос с широкими ноздрями, овальные глубоко посаженные глаза [1999, с. 141, рис. 12]. Новым приемом, пожалуй, является выделение рельефного валика вокруг рта. Голова изваяния из Туранского музея отделена от остальной части камня поперечным выбитым желобком, что сближает его с оленными камнями (рис. 10, 4).

Наконец, в самой Монголии среди многочисленных оленных камней монголо-забайкальского типа известно несколько памятников с антропоморфными изображениями, по всей видимости, продолжающими традиции нарийнхурумтинских изваяний. В основном они передают тот же изобразительный канон. Это особенно хорошо видно при сравнении с изображением на известном оленном камне в Ушкийн Увэре: тот же нависающий лоб, близко расположенные и глубоко посаженные глаза, удлиненная нижняя часть лица (рис. 10, 1). На оленном камне из Дунд сомона невысоким рельефом выделена нижняя часть лица (рис. 10, 2), а на оленном камне из пос. Агар – глубоко посаженные глаза, крупный прямой нос, также рельефно подчеркнута нижняя часть лица (рис. 10, 3). На оленных камнях из Ушкийн Увэра и пос. Агар, как и на некоторых более ранних изображениях, на голове человека показана круглая облегающая шапочка. Сопоставляя эти памятники между собой, вряд ли можно предположить, что для их изготовления могли использоваться более ранние изваяния, подобные нарийнхурумтинским. Изображения нигде не перекрывают друг друга, а по рисункам на оленном камне из Ушкийн Увэра видно, как вдетая в ухо серьга с подвеской, по времени, несомненно, такая же, как изображение лица на торцевой поверхности камня, четко “вписывается” в отростки рогов расположенного ниже оленя.

Оленные камни монголо-забайкальского типа, в т.ч. с антропоморфными изображениями, по представленным на них реалиям с наибольшей вероятностью могут датироваться не ранее начала I тыс. до н.э., предположительно X (IX)–VIII вв. до н.э. [Савинов, 1994, с. 110], что можно рассматривать как *terminus ante quem* для нарийнхурумтинских изваяний.

Особого внимания заслуживают некоторые восточные аналоги. А.А. Ковалев проводит параллель между антропоморфными изображениями на оленных камнях и бронзовым предметом из Дахуачжуна (Цинхай), украшенным четырьмя головами, в изображении лиц которых явно улавливаются элементы одного и того же изобразительного канона [2001, рис. 2, б]. Однако, по нашему мнению, одна случайно найденная вещь не дает основания

говорить о том, что “формирование культуры оленных камней проходило на территории... Ганьсу – Цинхай” [Там же, 2001, с. 165]. Скорее, антропоморфные изображения, использовавшиеся, по-видимому, в особых случаях, были уже эпизодом для создателей оленных камней.

Мы склонны согласиться с А.В. Вареновым, который выделяет по материалам могильника Кээрмуци в Северном Синьзяне новую культуру конца эпохи бронзы – “XIII–VIII или даже X–VIII вв. до н.э.” [1999, с. 56]. В числе рассмотренных А.В. Вареновым находок – литейные формы для изготовления кельтов – лопаток сейминского типа, керамика митровидной формы типа найденной в Осинкинском могильнике и в курганах каракольской культуры у с. Озерное на Алтае [1998, с. 60–65]. В одном из разрушенных погребений был найден каменный жезл с антропоморфным изображением [Там же, рис. 1, 8], который исследователь сопоставляет с более западными аналогами – минусинскими (окуневскими) или прииртышскими,

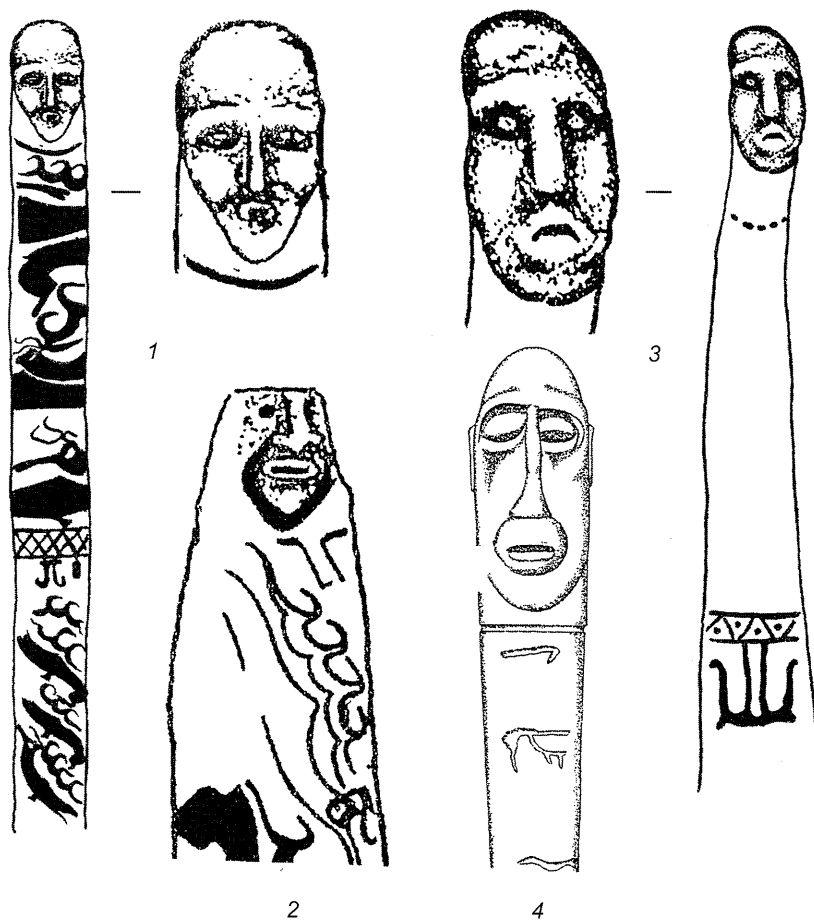

Рис. 10. Антропоморфные изображения на оленных камнях Монголии (1–3) и Тувы (4).

1 – Ушкийн Увэр (по В.В. Волкову [2002]), 2 – Дунд сомон (по В.В. Волкову [Там же]), 3 – пос. Агар (по В.В. Волкову [Там же]), 4 – каменное изваяние из Туранского музея (по М.Е. Килуновской, В.А. Семенову [1999]).

относящимися к сейминскому времени. Можно отметить также сходство между фигурками лошадей на двойных сосудах с одной округлой крышкой [Варенов, 1999, рис. 2, б] и наскальными изображениями “сейминско-турбинской” традиции. Эти материалы являются основанием для предположения о распространении “сейминско-турбинских” традиций вплоть до западных пределов Китая. Но пока это только “узелки” на несохранившейся ткани древних культур Центральной Азии, возможности изучения которых расширяются с открытием каждого нового памятника.

Выводы

Святылище Нарийн Хурумта относится, скорее всего, ко второй половине II тыс. до н.э. Анализ установленных на нем изваяний, впервые открытых на территории Монголии, позволяет выделить пласт памятников с изображениями лиц европеоидного типа, отличающимися общими или близкими стилистическими особенностями. Их западные аналоги – предметы мелкой пластики из Прииртышья, по-видимому, наиболее ранние и могут рассматриваться как “исходные” для формирования подобных изображений. Восточные границы их ареала в общих чертах совпадают с восточными пределами распространения сейминских бронз и наскальными рисунками “сейминско-турбинского” типа. Это дает основание говорить о едином археологическом контексте рассматриваемых памятников и возможности миграции оставившего их населения из районов Верхнего Прииртышья и более глубоких степных районов Казахстана, через Алтайскую горную систему, на восток до Центральной Монголии, а скорее всего и дальше. Возможно, как отражение этого процесса следует рассматривать и наскальные изображения воинов с копьями в Цаган голе, выделяющиеся среди всех остальных петроглифов Монголии. В начале I тыс. до н.э. традиции изваяний эпохи бронзы, подобных нарийнхурумтинским, сохранялись в иконографии некоторых оленных камней с антропоморфными изображениями, отличных в этом отношении от других многочисленных оленных камней монголо-забайкальского типа.

Список литературы

- Баяр Д.** Монголын төв нутаг дахь турэгийн хун чулуу. – Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн туухийн хурээлэн., 1997. – 147 с.
- Бобров В.В.** Бронзовые изделия самусько-сейминской эпохи из Кузнецкой котловины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 76–78.
- Бобров В.В., Ковтун И.В.** Иконографические особенности комплекса сейминско-турбинских бронз // Первобытная археология. Человек и искусство: Сб. науч. трудов к 70-летию Я.А. Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 156–162.
- Варенов А.В.** Южносибирские культуры эпохи ранней и поздней бронзы в Восточном Туркестане // Гум. науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 60–72.
- Варенов А.В.** Новая культура эпохи бронзы из китайской части Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 53–59.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Москва: Науч. мир, 2002. – 248 с.
- Гохман И.И.** Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Сб. МАЭ. – 1980. – Вып. 36. – С. 5–34.
- Грач А.Д.** Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Изд-во вост. лит., 1961. – 93 с.
- Грушин С.П.** Проблема изучения сейминско-турбинского феномена на Алтае // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск: Изд-во Ом. ун-та, 2000. – С. 37–38.
- Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.** Древние изваяния Минусинских степей // МАЭ. – 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 63–90.
- Ермоленко Л.Н.** Древнетюркские изваяния с сосудом в обеих руках // Первобытная археология: Человек и искусство: Сб. науч. трудов к 70-летию Я.А. Шера. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 188–192.
- Килюновская М.Е., Семенов В.А.** Оленные камни Тувы (Ч. 2.: Сюжеты, стиль, семантика) // Археол. вести. – 1999. – № 6. – С. 130–145.
- Кирюшин Ю.Ф.** Каменная скульптура эпохи бронзы с Алтая // История, филология и философия. – 1991. – Вып. 2. – С. 66–70.
- Кирюшин Ю.Ф.** Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 292 с.
- Ковалев А.А.** О происхождении культуры оленных камней // Евразия сквозь века: Сб. науч. трудов к 60-летию Д.Г. Савинова. – СПб.: Филол. ф-т СПб. ун-та, 2001. – С. 160–165.
- Кубарев В.Д.** Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 24–54.
- Кубарев В.Д.** Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая. – 2003. – № 11. – С. 23–35.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 294 с.
- Леонтьев С.Н.** К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Степи Евразии в древности и средневековье: К 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – Ч. 1. – С. 181–183.
- Мазниченко А.П.** Бронзовый наконечник копья из Кустанайского музея // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: Изд-во Челяб. ун-та, 1985. – С. 152–154.
- Мошинская В.И.** Древние скульптуры Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 131 с.

- Новгородова Э.А.** Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 166 с.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. – М.: Наука, 1989. – 380 с.
- Новоженков В.А.** Петроглифы Сары-Арки. – Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2002. – 126 с.
- Пяткин Б.Н., Миклашевич Е.А.** Сейминско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 146–153.
- Савинов Д.Г.** Осинкинский могильник эпохи бронзы на Северном Алтае // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 94–100.
- Савинов Д.Г.** Антропоморфные изображения эпохи бронзы и раннескифского времени из восточной части евразийских степей // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. – СПб.: Фарн, 1993. – С. 23–26. – (ПАВ; № 6).
- Савинов Д.Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. – 208 с.
- Савинов Д.Г.** Антропоморфная фигура на каменной плите из Есино III // Мировоззрения. Археология. Ритуал. Культура: Сб. статей к 60-летию М.Л. Подольского. – СПб.: Мир книги, 2000. – С. 119–125.
- Сагындал И.** Изображение коня в петроглифах Теректы аулие (Центральный Казахстан) // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 29–32.
- Самашев З.С.** Наскальные изображения Верхнего Иртыша. – Алма-Ата: Тұлым, 1992. – 286 с.
- Черемисин Д.В.** Петроглифы устья р. Чуи (Горный Алтай) // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: Ин-т археологии АН СССР, 1990. – С. 162–165.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В.** Древняя металлургия Северной Евразии. – М.: Наука, 1989. – 319 с.
- Чугунов К.В.** Находка кинжала раннескифского времени из Юго-Западной Тувы // Новые исследования археологов России и СНГ – СПб.: ИИМК РАН, 1997. – С. 85–86.
- Шер Я.А.** Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 397 с.
- Эрдэнэбаатар Д.** О некоторых итогах исследования хексуров в Монголии // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. ун-та, 2002. – С. 70–72.
- Kliachtornyi S.** Une “Ile de Paques” clans les montagnes de Mongolie // Les dossiers d’archeologie. 1994. – N 194. – P. 52–53.
- Leont`ev N., Kapel`ko V.** Steinstelen der Okunev – Kultur // Archäologie in Eurasien, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasian Abteilung, – 2002. – Bd. 13. – 110 S.

Материал поступил в редколлегию 22.12.03 г.

УДК 903.5

А.П. Дружинина

*Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша
АН Республики Таджикистан
пр. Рудаки, 33, Душанбе, 734025, Таджикистан
E-mail: anjelinad@yahoo.com*

КРЫШКА КАМЕННОЙ ПИКСИДЫ С ЗООМОРФНЫМ ФРИЗОМ С ГОРОДИЩА ТАХТИ-САНГИН Новая находка на территории древней Бактрии

Место находки и ее описание

Городище Тахти-Сангин, на территории которого была обнаружена впервые публикуемая находка, находится на западном берегу р. Амударьи (греч. назв. *Oxos*) недалеко от ее начала, образованного слиянием рек Вахш и Пяндж. В ходе раскопок, проводившихся в 1976–1991 гг., на цитадели городища (рис. 1) удалось раскрыть монументальное культовое сооружение, названное по найденным в нем votивным надписям храмом Окса [Пичикян, 1991, с. 171; Drujinina, 2001, S. 261] и датированное в рамках конца IV в. до н.э. – IV в. н.э. [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 182–183]. Результаты исследований опубликованы в многочисленных статьях и монографиях (библиографию см.: [Там же, 2000, с. 416–452; Litvinskij, Pičikjan, 2002]).

Раскопки на новом этапе* направлены на изучение структуры всего городища методами шурфовки и получение дат для каждой его части [Дружинина, 2000, с. 240–261]. На южной и северной половинах городища были зафиксированы остатки многочисленных сооружений, датируемых по керамическому материалу и аналогиям с керамикой городища Ай-Ханум (Северный Афганистан) эллинистическим временем.

* Работы ведутся с 1998 г. археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан при финансовой поддержке Фонда древнего искусства “МЕЦЕНОС” (Швейцария, Базель).

На южной половине городища (участок Юг-2) были исследованы остатки сооружения № 368, общая площадь которого с оградой составляет ок. 625 м². Функциональное назначение объекта может быть рассмотрено только после его полной расчистки. В 2003 г. в северной части этого сооружения раскопано прямоугольное помещение* с заглубленными в землю стенами из бутовых камней, сложенных в три-четыре ряда в высоту. В помещении под практически “чистым” глиняным заполнением найдены многочисленные фрагменты разбитых, полностью собираемых керамических сосудов и гипсовых чаш. В северо-восточном углу сохранились два небольших фрагмента изделия из серо-черного сланца с прорезанными по краю зубчиками, а в западной половине помещения – перевернутая крышка сосуда**, изготовленная также из серо-черного сланца (рис. 2).

Крышка достаточно хорошо сохранилась, но по всему периметру у нее отбит край, частью которого, как сначала казалось, могли являться два фрагмента, о которых говорилось выше. К сожалению, данное предположение не подтвердилось: фрагменты не соответствовали сильно поврежденным краям крышки. Возможно, они принадлежали какому-то другому каменному предмету.

* В работах на объекте принимали участие: М. Гафуров, А. Абидов, Ф. Алиев, М. Бобомуллоев, С. Шерали.

** Музей Национальных древностей Таджикистана Института истории, археологии и этнографии АН Республики Таджикистан (далее МНДТ), инв. № 15003/1091.